

Л.Т. Авилушкина

НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА ГЛИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Михаил Глика предположительно родился в первой трети XII в. и умер в конце этого столетия. О жизни его известно немного. Согласно рукописным заглавиям к его сочинениям, он был грамматиком, что предполагает его принадлежность к императорской канцелярии, где он мог служить в качестве секретаря. Известно, что в 1159 г. Глика был заключен в тюрьму и ослеплен¹. Причиной осуждения было, как полагают, его возможное участие в заговоре Феодора Стипиота². Уже после наказания, он написал свои основные произведения – хронику и теологическое сочинение в форме писем; перу Глики принадлежат также сборник пословиц и два стихотворения. В первом он обращается к императору Мануилу I Комнину из тюрьмы с просьбой о помиловании, второе – посвящает победе императора над венграми.

После К. Крумбахера, который в специальной работе рассмотрел произведения и биографию Михаила Глики³, и С. Евстратиадиса, осуществившего издание его писем и давшего во введении к нему биографический очерк автора⁴, исследователи долгое время уделяли мало внимания его сочинениям, ограничиваясь краткими замечаниями о его творчестве⁵. Хронику Михаила Глики считают обычно сугубо компилятивным сочинением, не представляющим особой ценности в качестве исторического источника, так как она, в отличие от трудов Скилицы и Зонары, не содержит новых материалов по византийской истории⁶. В современной историографии, однако, отношение к византийским хронографическим сочинениям постепенно меняется. Если раньше они рассматривались лишь как безыскусные компиляции, то в настоящее время исследователи констатируют в них проявление индивидуализма в мировоззрении авторов, вскрывают связи этих сочинений с культурно-историческими традициями византийского об-

¹ *Dräseke J.* Zu Michael Glykas // *BZ.* 1896. 5. S. 54–62; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). 2. Aufl. München, 1897. S. 380.

² *Neumann C.* Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen in zwölften Jahrhundert. Leipzig, 1888. S. 51. Anm. 2; *Kresten O.* Zum Sturz des Theodoros Styppeotes // *JÖB.* 1978. Bd. 27. S. 49–103.

³ *Krumbacher K.* Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner litterarischen Thätigkeit nebst einem unedierten Gedichte und Briefe desselben // *Sitzungsberichte der philos.-philol. und der hist. Classe der k. Bayerischen Akademie der Wissenschaftern zu München*, 1894. Heft III. München, 1895. S. 391–460; см. рец.: *Васильевский В.Г.* // *ВВ.* 1899. Т. VI. С. 524–537.

⁴ *Εὐστρατιάδης Σ.* Μιχαὴλ τοῦ Γλικᾶ εἰς τὰς ἀπορίας τῆς θείας γραφῆς κεφάλαια. Ἀθῆναι, 1906. Т. I; *Ἀλεξάνδρου*, 1914. Т. 2; см. рец.: *Kurtz E.* // *BZ.* 1908. 17. S. 166–172; *Jugić M.* // *EO.* 1910. 13. P. 59–60.

⁵ История Византии. М., 1967. Т. 2; Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959; *Idem.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1; *Kazhdan A.P., Epstein A.W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985.

⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство в XI в. СПб., 1884. С. XXIV–XXV; *Васильевский В.Г.* Обзорение трудов по византийской истории. СПб., 1890. Вып. I. С. 30; *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. В., 1958. Bd. I. S. 431.

щества того времени⁷. Хроника и письма Глики, внутренне тематически взаимосвязанные, являются его основными трудами. Интерес к ним в последнее время обусловлен тем, что они позволяют проследить и собственное мировоззрение автора, и круг интересов его читателей.

В недавно появившемся труде в главе “Хранители ортодоксии”⁸ П. Магдалино подробно анализирует теологические письма Михаила Глики как важный источник по истории общественной мысли времени правления Мануила I. Полное отсутствие стилистических претензий в писаниях Глики помещает его, как считает исследователь, вне “риторического театра”, который является ключом к пониманию характера культурной жизни византийского общества XII в. Однако картина была бы неполной без учета сочинений Глики: далекие от приемов и методов риторики, они могут быть признаны голосом здравого смысла. Более чем любой другой писатель этого времени (кроме, может быть, монаха Филиппа в конце XI в.), Глика предстает как ревнитель православия – общего вероисповедания подданных империи, независимо от их образовательного и социального статуса. Богословские вопросы, которые он ставил, касались всех. Поэтому весьма важно рассмотреть и то, как он отвечал на них, и круг его корреспондентов.

Дошедшие в рукописной традиции 95 писем Глики издатель С. Евстратиadis озаглавил “О вопросах Священного Писания”. Затрагиваемые в них вопросы были связаны с “темными” местами Священного Писания и библейскими персонажами. Некоторые письма близки по содержанию к христологическим и тринитарным сочинениям. Глику и его адресатов особенно интересовали вопросы о связи между телом и душой, тленностью и нетленностью, смертью и бессмертием, о Божественном провидении, о свободе воли и предопределении. Впрочем, не оставлял Глика в письмах без внимания и самые актуальные темы дня, такие, например, как дискуссии об опресноках и фелиоке.

Озабоченность Глики и его адресатов названными выше вопросами богословия была продиктована заботой о том, как определить ортодоксальную позицию там, где существовала опасность ее искажения под влиянием дуалистических ересей и эллинской философии. Совершенно очевидно, что корреспонденты Глики спрашивали его об этом и он давал ответы на те вопросы, которым церковь не уделяла достаточного внимания и которые поднимались не столько теологами в связи с какими-либо событиями, сколько простыми верующими людьми, искренне обеспокоенными неясностями и противоречиями в Священном Писании и трудах отцов церкви о жизни и смерти человека, о грехе и спасении.

Большинство писем Глики направлены к лицам, указанным в их заглавиях: 46 из них адресованы 17 монахам, а 29 – девяти светским персонам из придворных кругов и окружения императорской семьи. Среди корреспондентов Глики число высокопоставленных лиц в целом весьма невелико. Монахов вдвое больше. По другим источникам они неизвестны. Членов же гражданской бюрократии и церковной иерархии среди его адресатов вообще нет. Последнее можно объяснить, как считает П. Магдалино, тем фактом, что Глика, разъясняя проблемы ортодоксии, в какой-то мере узурпировал их функции, что отнюдь не могло вызывать их симпатии к нему: трудные вопросы, на которые отвечал Глика, были подобны тем, которые адресовались крупному теологу Николаю Мефонскому. Например, проблемы поста и епитимии, которые Глика разъяснял монахам, священнослужители задавали самому патриарху или хартофилаку Великой церкви. П. Магдалино, отмечает отсутствие тесных взаимоотношений между Великой церковью и монашеством в этот период. Ви-

⁷ Чичуров И.С. Место “Хронографии” Феофана в ранневизантийской традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1981 год. М., 1983; *Maisano R. Note su Giorgio Cedreno e la tradizione storiografica bizantina* // Rivista di studi bizantini e slavi. Bologna, 1983. Т. 3. P. 227–248; *Adler W. Time immemorial: Archaic History and Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellos*. Washington, 1990.

⁸ *Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 1993. P. 370–382.

димо, поэтому монахи и обращались с их вопросами не к высоким авторитетам Великой церкви, а к Глике. Хотя его писания удовлетворяли интересы преимущественно монашеской среды, было бы неосторожно, по мнению П. Магдалино, определять Глику как типичного “монашеского” писателя. Вероятно, вернее было бы рассматривать его письма как весьма своеобразное явление в литературной жизни Византии XII в. Монахи и светские лица советовались с Гликой не только потому, что он хорошо знал Священное Писание и сочинения отцов церкви, а также потому, что он толковал богословские тексты на редко встречающемся тогда уровне здравого смысла. Глика пишет просто, ясно, непритязательной прозой, не приспособившись к эстетическим критериям писателей “риторического театра”, и был, вероятно, совсем не обеспокоен тем, что оказалась за пределами модного “литературного круга”.

П. Магдалино кратко характеризует Хронику Глики, отмечая, что последовательное сочетание в ней теологии и истории делает ее весьма оригинальным литературным произведением, хотя ее исторический раздел тематически не столь уж тесно связан с теологическим. Глика как историк, по мнению М. Магдалино, менее пристрастен в изложении материала, чем его ближайший ученый современник Зонара, Хронику которого Глика использовал. По словам П. Магдалино, как Зонара, так и Глика были лично разочарованы сложившейся теорией императорской власти эпохи Комнинов, но они не замыкали свои искания сферой чистого созерцания. Каждый из них употребил свой вынужденный монашеский досуг на то, чтобы “отточить” свои критические способности и выразить в своих исторических сочинениях свое особое мнение о том, как мир пришел к его современному состоянию.

Специальное исследование “Душа человека по Михаилу Глике” посвящает теолог И.Х. Ветос теме, которую Глика излагает в ряде своих писем и в первой части Хроники⁹. Глика, по его мнению, несомненно оригинален. Рассматривая проблемы души, он придерживается традиционного учения отцов церкви. Однако его зависимость от патристического учения нельзя признать статичной: он как бы продолжает и развивает его положения. Трактат Глики учения “О душе” в ее основных чертах в целом следует патристической традиции – она является результатом сравнительного и критического осмысления учения отцов церкви “О душе”, из которого он выбирает самое ценное, на его взгляд. Однако, не удаляясь от сущности патристического учения, он определенным образом изменяет его и приспособливает к духу и запросам своей эпохи, придавая ему в какой-то мере новый вид и новую форму. Вероятно, Глика, разрабатывая эту тему, намеревался оградить учение отцов церкви “О душе” от влияния чуждых идей, угроза которых могла исходить от возрождения эллинских учений и богословских ересей. Глика стремился, таким образом, обеспечить чистоту христианского вероучения и дать верующим средство для его изучения и очищения.

Хроника Михаила Глики состоит из краткого введения и четырех частей: в первой описывается Творение мира, вторая содержит библейскую и древнюю историю, третья – историю Римской империи и новозаветную, четвертая – историю Византийского государства до начала XII в. (1118 г.)¹⁰. От других византийских хроник Хроника Глики отличают некоторые особенности, основные из них были отмечены еще К. Крумбахом. Первой ее отличительной чертой является то, что Глика вплетает в большом объеме в повествование естественнонаучный материал; вторая заключается в необычайно многочисленных и обширных богословских рассуждениях; третьей особенностью Хроники является ее паренетическая форма: Глика не только посвящает свое произведение сыну, но сохраняет форму дидактического наставления ему на протяжении всего произведения¹¹.

Изучению источников Хроники посвящены две монографии С. Мавромати-Кат-

⁹ Ветос I.X. Η ψυχή τοῦ ἀνθρώπου κατὰ τὸ Μιχαὴλ Γλικᾶ. Θεσσαλονίκη, 1984.

¹⁰ Michaelis Glycas Annales / Rec. I. Bekkerus. Bonnac, 1836.

¹¹ Krumbacher K. Geschichte... S. 382–383.

суйаннопулу. В первой¹² исследуются тексты третьей части (за исключением описания новозаветной истории) и четвертой, где тщательно определяются источники избранных разделов, а также прослеживается и характеризуется метод работы хрониста. По мнению С. Макромати-Катсуйаннопулу, Глика выбирал интересующую его информацию из большого числа источников и на первом этапе работы делал заметки, чтобы добиться определенного композиционного единства своего сочинения. При этом он сокращал описания и упрощал язык используемых источников. Вместе с тем, комментируя отдельные события, он приводит мнения разных авторов, обнаруживая критический подход к источникам и стремясь передать информацию в наиболее доступной форме.

Во второй книге¹³, которая является первой частью исследования о “Шестоднев” Глика, С. Мавромати-Катсуйаннопулу подробно рассматривает структуру, содержание и источники труда Глика, касаясь также вопросов, связанных с личностью писателя и его эпохой. В отличие от других византийских хронистов как предшествующего, так и последующего времени, только Глика включил в свою хронику “Шестоднев”, написанный в форме научного трактата, в котором наряду с толкованием библейских текстов приводится обширный естественнонаучный материал по космологии, космографии, метеорологии, ботанике и зоологии. Автор использовал при этом источники разного характера (шестодневы, сочинения церковных авторов, труды Аристотеля, Элиана, Галена, Павла Эгинского, Феофилакта Симокатты, Михаила Пселла, Физиолог) и некоторые неустановленные источники. По мнению С. Мавромати-Катсуйаннопулу, Глика, продолжая традиции шестодневов, обновляет этот литературный жанр, добавляя новые материалы, чередуя описания научных тем и необыкновенных явлений и излагая заимствованное в более упрощенной популярной форме. По сравнению с другими шестодневами шестоднев Глика составлен как толкование “Генезиса” более широкого плана, охватывающей множество догматических, этических, научных и “удивительных” тем.

Касается С. Мавромати-Катсуйаннопулу также и общего вопроса о характере исторического труда Глика. Форма хроники сложилась в результате авторского замысла Михаила Глика. Основным критерием, которым руководствовался писатель в отборе материала и его компоновке, являются запросы хорошо известного ему читателя, которому он и адресует свое сочинение¹⁴. В то время, когда историография находилась почти целиком в руках представителей высших слоев общества, которые старались следовать классическим образцам, Глика весьма смело привносит в Хронику “новый” стиль, более отвечающий вкусу и “образу мыслей” византийского “широкого” читателя той эпохи, не причастного к классическому образованию¹⁵.

Наше исследование состава и содержания Хроники позволило раскрыть и другие характерные черты этого сочинения, дополняющие наши представления о его значении в истории византийской культуры. Как уже было отмечено выше, только Хроника Глика начинается обширным по объему и богатым по содержанию шестодневом. Подобная историографическая традиция сближает Хронику Глика с историческими сочинениями Древней Руси. Толковая палея (старшие списки XIV в.)¹⁶ также начинается шестодневом. В. Успенский, исследовавший содержание Толковой палеи по спискам Соловецкой библиотеки, отметил близость шестодневов Толковой палеи и Хроники Михаила Глика¹⁷. Вторая половина первой части Хроники Глика представляет собой обширные теологические толкования автора на интересующие

¹² *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Ἡ Χρονογραφία τοῦ Μιχαῆλ Γλικᾶ καὶ πηγὲς τῆς (περίοδος 100 π.Χ. – 1118 μ.Χ.). Θεσσαλονίκη, 1984. См. аннот.: *Авилюшкина Л.Т.* // ВВ. 1989. Т. 50. С. 224–228.

¹³ *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Ἡ Ἐξαήμερος Μιχαῆλ Γλικᾶ: Μία ἐκλαϊκευμένη ἐπιστημονικὴ πραγματεία τοῦ 12ου αἰώνα. Θεσσαλονίκη, 1993.

¹⁴ *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Ἡ Χρονογραφία... Σ. 61.

¹⁵ *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Ἡ Ἐξαήμερος... Σ. 30.

¹⁶ *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). С. 287.

¹⁷ *Успенский В.* Толковая палея. Казань, 1876. С. 127.

его темы (о сотворении Адама и Евы, о рае, о душе, о чинах ангелов, о потере бессмертия первыми людьми), подобные которым не встречаются в других византийских хрониках. Поскольку содержание начальной части Хроники Глики не имеет аналогий в византийской хронографической традиции, то первую ее часть можно рассматривать как соответствующее замыслу автора своего рода введение к историческому повествованию, сообщающее читателю сведения об окружающем мире и об основных морально-этических принципах.

Во второй части Хроники Глики, содержание которой традиционно включает ветхозаветную и древнюю историю, но по сравнению с предшествующими хрониками Гергия Амартола, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Константина Манасси, имеет существенные сюжетные отличия. Глика уделяет больше внимания библейской истории, освещая только некоторые эпизоды из древней истории (Крон, Нин, Сарданапал, Геракл Тирский, Ромул и Рем, Александр Македонский)¹⁸. Источники второй части Хроники пока не изучены. По нашим наблюдениям, Хроника Георгия Амартола являлась для Глики основным источником, поскольку именно из нее заимствовано много сюжетов, которые Глика, однако, компанует по своему усмотрению¹⁹. Некоторые сведения взяты им из "Иудейских древностей" Иосифа Флавия²⁰ и Хроники Константина Манасси²¹. Вероятно, были использованы и сочинения церковных авторов, на которые он и ссылался, а также другие источники, в том числе апокрифические сочинения. Часть эпизодов библейской истории описана Гликой намного подробнее, чем это практиковалось традиционно (Каин и Авель, потоп, вавилонское столпотворение, история Авраама и Моисея, десять казней египетских, десять заповедей и др.). Интерес писателя, проявленный к ветхозаветной истории, можно объяснить, по-видимому, его намерением дать своим читателям больше информации об этих сюжетах, как основе христианского мирозерцания. Вероятно, именно поэтому Глика во многих случаях проявляет самостоятельность: и в выборе, и в расположении материала, а при трактовке некоторых сюжетов дополняет повествование новыми подробностями.

В третьей части Хроники Глики описывается история Римской империи, изложение которой начинается с Юлия Цезаря и заканчивается описанием смерти Галерия и Констанция. По сравнению с Георгием Амартолом и Иоанном Зонарой, хроники которых были основными источниками для этой части²², Глика уделяет значительно меньше внимания политическим и военным событиям римской истории. Его в большей степени интересует религиозная жизнь общества того времени (деяния апостолов Петра и Павла, гонения против христиан, ереси и др.). Более половины всей третьей части занимает изложение новозаветной истории, которое следует за описанием правления Августа. По содержанию и объему оно отличается от рассказа о новозаветных событиях, приводимых в хрониках Иоанны Малалы²³, Георгия Синкелла²⁴, Георгия Амартола²⁵, Георгия Кедрина²⁶, Иоанна Зонары²⁷, Константина Манасси²⁸. Некоторые эпизоды евангельской истории (непорочное зачатие, поклонение

¹⁸ *Jeffreys E.M. The Attitudes of Byzantine Chroniclers towards Ancient History // Byz. 1979. Т. 49. P. 234. Not. 160.*

¹⁹ *Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1904. P. 6, 10–12, 92–93, 101–102, 113–114, 14–15, 17, 19–23, 24–26, 33–39, 145–146, 200–201, 240–244, 270–271, 276, 284, 285–286, 290–292.*

²⁰ *Jewish Antiquities // Josephus in nine volumes / Ed. G.P. Goold. L., 1988. Vol. V. P. 199–208, 213, 240, 312; Vol. VI. P. 164–170, 320–326, 332–336, 371–378; 1986. Vol. VII. P. 142; 1980. Vol. VIII. P. 389–392.*

²¹ *Constantini Manassis Breviarium historiae metricum / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1837. P. 484–496, 585–605.*

²² *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ. 'Η Χρονογραφία... Σ. 518.*

²³ *Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 236–242.*

²⁴ *Georgius Syncellus Ecloga chronographia / Ed. A.A. Mosshammer. Leipzig, 1983. P. 381–390.*

²⁵ *Georgii Monachi Chronicon. P. 299–320.*

²⁶ *Georgius Cedrenus Historiarum compendium / Ab.I. Bekkerus. Bonnae, 1838. Т. I. P. 304–308, 333–335, 344–345.*

²⁷ *Ioannis Zonarae Annales / Rec. M. Pinderi. Bonnae, 1844. Т. II. P. 431–432, 445–446.*

²⁸ *Constantini Manassis Breviarium... 1980–1990.*

волхвов, приготовления к Пасхе, распятие и др.) особенно привлекали внимание писателя: он приводит разные, иногда противоречивые суждения, делая критические замечания и советуя читателю придерживаться ортодоксальной точки зрения.

Касается Глика также и вопросов, которые были особо актуальными в его время, например, вопросов об опресноках и павликианах. Он заканчивает описание евангельской истории изложением событий Успения Богородицы, не встречающихся у других хронистов. На наш взгляд, в Хронике Глика представлен своеобразный и оригинальный рассказ о событиях новозаветной истории и Успения Богородицы, который несомненно заслуживает специального изучения и станет темой наших дальнейших исследований.

Связь с предшествующими хрониками в большей степени наблюдается в четвертой части Хроники Глика, где излагается история Византийской империи от Константина I до воцарения Иоанна II Комнина (1118). Большую часть информации Глика извлекал из хроник Георгия Амартола, Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары, которые являлись его основными источниками для этой части, а в дополнение к ним привлекал отдельные сведения из произведений иного характера (жития, “Отечество Константинополь” и др.), а также из неустановленных источников²⁹. В этой части автор также проявляет больше интереса к событиям церковной истории, нежели к политической и военной. Поэтому, видимо, он сравнительно полнее освещает религиозную жизнь общества (Вселенские соборы, ереси, религиозная политика императоров, деятельность патриархов и т.п.).

Как мы отметили выше, Хроника Глика отличается необычная манера повествования. Автор посвятил свое сочинение определенному лицу, предположительно сыну. Но поскольку нам ничего неизвестно о личной жизни Михаила Глика, постольку вполне возможно, что его обращение к сыну условно как избранная автором форма повествования, как обращение учителя к ученику. Почти каждый тематический раздел начинается с такого обращения, причем нередко даются предназначенные обычно для учеников пояснения с использованием школьной формы “вопросов-ответов”.

Композиционные и тематические особенности Хроники Михаила Глика оправдывают заключение, что автор создал самостоятельное, оригинальное по форме и содержанию историческое сочинение. По мнению Х.-Г. Бека, Хроника Глика – это книга для юношества и народа, написанная в форме хроники³⁰. Хроника Глика является собой пример определенного слияния двух основных направлений византийской историографии, светского и церковного, в результате чего возник новый вид универсального исторического повествования. Изменяя характер традиционного повествования и соединяя в одном произведении естествознание, теологию, этику, историю, Глика, вероятно, стремился создать книгу, содержащую сумму знаний, которыми, по его мнению, необходимо было обладать простому византийцу его времени, особенно юноше, которому книга адресована. Поэтому, учитывая специфику Хроники Михаила Глика, можно не только отнести ее к жанру всемирных хроник, но и видеть в ней универсальную популярную книгу, охватывающую множество тем. Это произведение, явно рассчитанное на достаточное “широкое” читателя, в существенной мере отражает рост его запросов. Оно безусловно в большей мере способствует углублению наших представлений об особенностях и своеобразии менталитета и интересов широких слоев византийского общества в XII в., нежели узкого слоя его аристократической верхушки. Хроника Глика свидетельствует об углубляющихся различиях между интересами представителей знати, которые проявляли повышенный интерес к политической и военной истории, к возрождению классицизма и героизации античности, и запросами широких масс населения, которых мало занимали именно эти сюжеты. Низы общества были лишены возможности получить классическое образование, в котором, по-видимому, они и не усматривали большой ценности. Поэ-

²⁹ Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ. ‘Η Χρονογραφία... Σ. 535–574.

³⁰ Beck H.-G. Zur byzantinischen “Mönchschronik” // *Ideen und Realitäten in Byzanz*. VR.L., 1972. N 16. S. 195.

тому произведения писателей, писавших “высоким стилем”, по канонам “риторического театра”, их не удовлетворяли. Им нужна была литература на более доступном языке. Это понял и осуществил в своем творчестве Глика. Вместе с тем, его Хроника позволяет говорить о несомненном общем повышении грамотности, элементарной образованности и расширении круга духовных запросов неаристократических слоев византийского общества в XII в., что заслуживает и пристального внимания, и соответствующей оценки. По всей вероятности, есть все основания утверждать, что труд Глики занимает особое место в ряду византийских литературных памятников XII в. В отличие от предшествующей хронографии, от большинства памятников “высокой” аристократической литературы Хроника Глики была заранее четко ориентирована на значительно более широкие круги мирян и отвечала их запросам и вкусам. В этом смысле она полнее отражала те глубинные перемены, которые происходили в жизни преобладающего числа жителей империи в XII в., в их культуре, запросах, вкусах и интересах. Отнюдь не случайно, как показали последующие многовековые судьбы Хроники Глики, ее популярность была длительной и устойчивой.

Поскольку до сих пор отсутствует критическое издание текста Хроники Михаила Глики, постольку целесообразно кратко сообщить и о ее рукописной традиции, которая остается в полной мере не изученной. В настоящее время известно до 60 списков, сохранивших текст Хроники полностью или во фрагментах³¹, что позволяет говорить о богатой и разветвленной рукописной традиции³². Наличие значительных различий в рукописных текстах, включая бывшие нам доступными рукописи (БАН Q 7, Cambridge Harvard Collection gr. 4), по сравнению с текстом, изданным в Боннском корпусе, было уже отмечено в литературе³³. Закономерно предположение о существовании не одной редакции текста Хроники Глики. Кодексы, включавшие Хронику, составлялись в период с XII по XVIII в. включительно (особенно в XV–XVII вв.), что свидетельствует о широком распространении и популярности этого памятника и в поздневизантийский и поствизантийский периоды.

Таким образом, новейшие исследования, посвященные основным трудам Михаила Глики, дают представление о его творчестве как о своеобразном и значительном явлении в культурной жизни византийского общества XII в. Тематика и содержание Хроники и теологических писем Глики помогают лучше понять не только менталитет среднего, ординарного византийца XII в., но и вкусы, запросы и интересы широкого круга грекоязычных читателей последующих столетий, поскольку сочинения Михаила Глики переписывались и читались вплоть до XIX в.

³¹ Colonna M.E. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. I. Storici Profani. Napoli, 1956. P. 56–57.

³² Авилушкина Л.Т. К истории рукописной традиции “Хроники” Михаила Глики // Из истории Византии и византиноведения. Межвуз. сб. Л., 1991. С. 116–124; Она же. Из рукописной традиции “Хроники” Михаила Глики // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. XXIII. С. 127–133.

³³ Vater F. Zur Kunde griechischer Handschriften in Russland // Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. Suppl. 9. Leipzig, 1843. S. 5–24; Uspenskij Th. Quelques observations sur la chronique de Laomédon Lacapène // BZ. 1893. 2. S. 122–125; Lampros S. Zu einigen Stellen des Michael Glykas // BZ. 1898. 7. S. 586–587; Sbordone F. Φυσιολογία Παριгина degli Annales di Michael Glykas // BZ. 1929/1930. 29. S. 188–197; Κομνές Α.Δ. Νέος κώδιξ τῆς Χρονικῆς βιβλίου Μιχαῆλ τοῦ Γλυκά // ΕΕΒΣ. 1964. Τ. 33. Σ. 119–123.